

Дождевые тучи, подтянувшиеся с рассвета, затянули урман-тайгу и белоснежные гольцы Кузнецкого Алатау. Заволокли они и виднеющуюся вдаль, у края горизонта, цепь вершин Западного Саяна. Всё укутала и заполонила сплошной пеленой серо-молочная мглистая морозящая взвесь. Только здесь, на высоте, за сплошной хмарью и пеленой нависших лохматых туч, ярко светило солнце и сверкали на фоне голубого неба острые гребни голых, без растительности, скал с вечными белоснежными ледниками.

Пронизывающий до костей ледяной ветер заставлял кутаться во все одежды, что достали мы из рюкзаков. Лето было в разгаре, но ещё не весь снег поредел и растаял на склонах гор. Нужно было возвращаться. Горное озеро, которое нас впечатлило и отсвечивало голубым отливом родниково-снеговой воды, потемнело и скрылось в завесе налетевших облаков.

Заросли папоротника и море цветов со сплошным ковром, покрытом брусничником, черникой и мхом, уже не впечатляли... Кругом был окладной дождь из морозящей взвеси и пронизывающий холод.

Спустя время горная тропа вывела нас в распадок, сплошняком покрытый сизовато-изумрудной черемшой, она заполонила всю долину вдоль горной реки Сарала. Двинулись дальше и забрели в настоящую лесную глушь. Вершины гор, снежники и ледники остались где-то там позади, на высоте; здесь же, в лесу, стало несколько тише, теплее, но с ветвей и хвойных лап лился водопад. Дождь не прекращался, а набирал свою силу, временами казалось, словно само небо прорвало.

Нас двое. Толян — мой закадычный друг, вот уже который раз он со мною в тайге. Но места я эти знаю. Вскоре мы вышли на небольшую елань, где у края поляны притулилась крохотная старенькая охотничья избушка. На этот раз у нас была цель: мы решили обследовать таёжную реку. Место, где начинался отводной рукотворный водоканал, берущий своё начало из горной реки под названием Сарала, в

труднодоступной тайге, через буреломы, вековые малопроезжие скалы и низменные болотистые места, проложенный до мраморной Белой скалы, где в дальнейшем возник таёжный посёлок Гидростанция.

Здесь, впервые в истории Сибири, возвели в трудные тридцатые годы прошлого столетия в азиатской части России современную по тем годам гидроэлектростанцию! Это была первая и единственная такой мощности гидроэлектростанция от гор седого Урала и до берегов Дальнего Востока, построенная в дремучей вековой тайге Саралинского района Красноярского края (забытая в наше время). Это был настоящий трудовой подвиг людей тайги того времени.

Но этому предшествовала история.

Шёл 1834 год. Золотая лихорадка в Восточной Сибири была в самом разгаре и набирала свою силу. Были обнаружены золотые россыпи и жилы в Хонгарии (Хакасии), в горах Кузнецкого Алатау. Это были поистине «золотые реки и горы». По всей тайге, скалистым кряжам, распадкам и горам Алатау, скрываясь и таясь, жгли костры, разбивали свои шалаши бродяги-старатели, которые ватагами или по одиночке пробирались и искали свой фарт, роя довольно глубокие шурфы на склонах гор или отмывая золотой песок в горных ручьях. Сколько же их сгинуло, пропало без вести! Только угрюмая сибирская тайга знает об этом. Но она умеет хранить свои тайны. Старателей-поисковиков прибывало в тайгу и горы всё больше. Шли в основном переселенцы из-за Урала, северных областей Руси.

К 1883 году на Саралинском рудном узле (по реке Сарала и её притокам) собралось промысловиков-рабочих, старателей-бродяг порядочно — работало двадцать шесть приисков! И добывали за сезон по тем временам довольно прилично — более четырёх тысяч килограмм рассыпного (высокой пробы) золота. Причём более богата была таёжная речка Средняя Сарала, где на прииске добывали в сезон более двадцати четырёх пудов рассыпного золота. Несколько меньше — на речках Правая и Левая Сарала (по три-четыре пуда).

Молва среди старателей о сибирской реке Сарала и золоте стала единой. Прииски, словно грибы, заполнили

горные речки: так, на Средней и Правой Сарале сладилось по девять приисков;левой и Верхней Сарале — по четыре. Но «золотые горы» Алатау не спешили отдавать своё вековое богатство — потайное золото из недр. За ним нужно было походить, его нужно было найти. К горам, ущельям, распадкам, ручьям был крайне трудный доступ, уклон гор был от пятнадцати до пятидесяти одного градуса. Но старатели не сдавались и упорно шли в глубь тайги, вгрызались в горы, камни, грунт. В 1901 году на Алатау вступил в строй главный рудник «Андреевский», позднее названный (после 1940 года) «Приисковый», на самом что ни на есть богатом, фартовом месте — на золотой жиле, пригодной под промышленную разработку. А к 1906 году вокруг него на мелких притоках горных речушек Ивановка и Панфиловка отстроилось и уже работало восемь приисков: «Ивановский», «Веро-Надеждинский», «Трансвааль», «Воскресенский», «Архангельский», «Казённо-Богородский», «Спасо-Николаевский», «Благовещенский».

Золото потоком потекло в Санкт-Петербургский монетный двор, укрепляя экономическую мощь России. Добыча золота на реке Сарала соответствовала техническому состоянию того времени. «Золотой телец» притягивал людей.

Шли годы, в стране произошли большие исторические перемены: вначале Октябрьская революция, затем Гражданская война, — и добыча золота в 1918 году в горах сошла на нет, прекратилась в связи распадом Российского золотопромышленного общества и была восстановлена только в 1927 году.

Страну нужно было поднимать, строить, а для этого нужна была валюта — золото... притом много. И руководством страны принимается стратегическое решение: возобновить добычу золота в Восточной Сибири, в горах Кузнецкого Алатау, на промышленной, более современной технологии. Необходимо было уйти от кустарного способа добычи вручную россыпного золота, прийти к укрупнению производств, промышленной разработке золотоносных жил, обустройству приисков, воссоединению их в единое целое, в единый централизованный узел золотодобычи с применением современной техники, электрификации

и энергетики. Так, в 1930 году было принято конкретное судьбоносное решение о строительстве в кратчайшие сроки гидроэлектростанции в глухой сибирской тайге, в долине реки Сарала.

В жизнь воплощался лозунг: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Этому придавалось большое значение и было уделено очень много внимания. Причём понимали, что технически и технологически было невероятно сложно это выполнить. Надо было не только построить в кратчайшие сроки гидроэлектростанцию, проведя изыскания в глухой тайге, но и возвести и протянуть линии электропередач к приискам. Но труженники Саралинской тайги это одолели, выполнили, сделали! Да ещё как сделали! Такого ни сама вековая тайга, ни жители «золотых гор» Алатау не видели. Техническим заданием предусматривалось со склона горы, где набирает свою силу дерзкая и необузданная река Сарала, отвести часть её потока воды, соорудив плотину, и запустить воду в сделанный из брёвен обводной канал, обустроить его в спроектированном исполнении и провести через дремучую урмантайгу, взрывая на своём пути недоступные скалы и минуя болотистые, топкие низменности, вывести его на довольно высокую мраморную скалу Ах-Хайа («белая скала»), где несущийся водяной поток с высоты семидесяти пяти метров должен падать на лопасти установленных гидротурбин. После чего отработанная вода возвращалась в реку Сарала, русло которой было недалеко и которая уже за пределами тайги (в зоне лесостепи) впадала в реку Чёрный Июс.

Это был грандиозно задуманный план, который требовал невероятных усилий и чрезвычайного труда рабочих (а это были в основном сосланные, ссыльные крестьяне, попавшие под «правовую основу» постановления ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 года, лишённые избирательных прав, в том числе зачастую кулаки), которые, находясь в тайге, эту стройку выполнили в суровых условиях, в сложной обстановке: тайга, непогода, гнус, трудности в раскорчёвке леса. Требовался невероятный объём работ гидроузла, строительство самого водоканала, рубка просеки в тайге и возведение к рудникам опор линии электропередач, в том числе

в зимних условиях (мороз, снег, непроходимость), общая протяжённость трассы более тридцати километров.

Инженерные и топографические изыскания провели с энтузиазмом и незамедлительно — в течение 1931 года. Определили место и маршрут будущей трассы. Возглавлял строительство опытный строитель А. И. Антохин.

Начали готовить, укладывая и уплотняя камнями, каменистое ложе будущей плотины и водоканала (канавы). Все землеройные работы проводились лопатой, топором, вручную. Особо подготовительные работы для подрыва скал (стоящих на пути канала), рытьё стволов скважин под взрывчатку проводили вручную (уходили на это месяцы). Эти работы проводили в течение двух лет (1932—1933 годы), а там, где каналу препятствовали болотистые низины, глубокие распадки укрепляли и возводили лиственные «стулья» под сплотки. Причём на всём протяжении водяного потока (четырнадцать километров) через труднопроходимую тайгу нужно было выдержать идеальный угол его уклона согласно топографическим отметкам под самоток напора воды с верховья реки Сарала.

Бригады лесорубов готовили вручную лиственные брёвна (размер — пять-шесть метров), а плотники обрабатывали их и мастерски подгоняли вручную (соблюдая заданные толщину и диаметр). Лес отбирали на строительство только лиственный, смолистый-кондовый. Из обтёсанных и калиброванных брёвен готовили сплотки. Трудно (по воспоминаниям старожил) было готовить лиственные рейки шириной пятнадцать-двадцать сантиметров, одновременно со шпунтом и пазом, которые соединяли и собирали в

**Укладка основания канала
под сплотки**

сплотки как единое целое. Очень сложно было вручную топором вырубать, делать паз и гребень, но и здесь справились. Местные талантливые рационализаторы изобрели и изготовили самостоятельно деревянный фрезерный станок, который собрали на месте (за исключением вала, подшипников и фрез). Никаких отклонений в изготовлении не допускалось.

Особо следили за проседанием каменистого ложа, укладывая подготовленные брёвна — основание для сплотов. Сплотка собиралась идеально. Брёвна были настолько плотниками подогнаны и посажены на шпунты (шканты) с применением лисовок (реек), что о протекании воды в пазах брёвен не могло быть и речи. Гарантия работы и качества была на сто процентов. Размер канавы из подогнанных и обструганных брёвен был следующим: высота — 2,2 метра; ширина — 1,7 метра. Сверху деревянный остов канавы (канавы) стягивался поперечными стропилами, с промежутком через каждые два с половиной — три метра. Перекрытие сплотов делали, но оно было не везде. Вода (поток) наполнялась в гидроканале до предпоследнего уложенного

в сплотке бревна. Далее по гидроканалу (канаве) длиной четырнадцать километров поток доходил до скалы у посёлка Гидростанция к резервуару (баку) и падал по трубопроводу с высоты семьдесят пять метров на лопасти гидротурбин. В гидрозале был установлен мощный турбогенератор («Браун»; «Бовер», изготовленный в Швейцарии, Цюрих). Седьмого ноября 1934 года гидростанция успешно была построена и дала первый свой ток, обеспечив тем самым электроэнергией

Сбор сплотов внутри канала

шесть работающих золотодобывающих приисков и посёлков рабочих рудников в горах Алатау.

В последующие годы Саралинская ГЭС вырабатывала двенадцать миллионов киловатт-часов электроэнергии в год. До ввода в эксплуатацию гидростанции, вначале запустили Саралинскую ЦЭС (центральная электрическая станция), которая работала на дровах (котлы топили вручную) Из урочища верховьев реки Карасук и до реки Сарала в 1942 году был построен под поток воды дерево-сплавной лоток расстоянием в шесть километров. Заготовленные рабочими спецконтингента и живущими здесь, в посёлке Верх-Карасук, дрова сплавливались по лотку в летне-осеннее время. Зимой заготавливались и складировались. Дров нужно было в первые годы очень много. Лес беспощадно вырубался, но со временем установили котлы и перешли на уголь, который по железной дороге поступал из-под Абакана, с черногорских шахт. В работе находился генератор мощностью пятьдесят киловатт.

Вид канала до пуска его в эксплуатацию, где жили временно рабочие

Параллельно со строительством водоканала производилось и шло строительство жилья для рабочих и линий опор электропередач в горы, к рудным приискам и посёлкам. Здесь, на строительстве ЛЭП в тайге, рабочим было сложнее всего, укрыться было негде. Зимой и летом весь день под открытым небом, в ненастье и в жару, но работу выполнили в срок, к моменту пуска гидроэлектростанции. Плотина, водоканал, гидроузел всегда находились под охраной. Был штат обходчиков и наблюдателей-водомеров за заполняемостью водоканала (как зимой, так и летом). На горе Семейная в горах Белогорья, недалеко от рудника «Приисковый», находилась метеостанция «Ненастная», откуда синоптики передавали ежедневно сводки о метеоусловиях в округе приисков. А наблюдатели-водомеры постоянно передавали в установленное время по связи уровень воды в реке и особенно в канале, следили, чтобы не допустить перелива и его разрушения. Регулятором сброса воды в резервуаре на гидроузле производили регулировку потока.

Установленными в плотках на завершении канала специальными решётками отлавливали и поднимали всё, что попадало и приносило водой по каналу (звери, птица, палки, домашние животные), и это не было редкостью (по воспоминаниям старожилов). К этому времени добыча золота перешла на выработку разведанных новых золотоносных жил, и все горные работы начали проводить в подготовленных шахтах в горе. Причём из разведанных более двухсот пятидесяти золотоносных жил в отработку было введено только сорок семь жил. Основное золото начали получать на четырёх жильных золотоносных стволах — это Андреевская, Каскадная, Ивановская, Встречная. Все они были по соседству. Впоследствии к ним присоединились Веркинская и Бобровская. Причём достоверно известно, что большинство сосланных, проживающих и работающих на приисках рабочих — это были либо спецконтингент, либо переселенцы-лишенцы, либо ранее судимые (отбывшие срок и оставшиеся на жительство). С вводом гидроэлектростанции (1934 год) небольшие, маломощные локомотивные электростанции на приисках (применяемые до этого) вскоре сошли на нет. Гидростанция, устойчиво набрав мощь,

работала безукоризненно, обеспечив работой более тысячи человек.

Но время неумолимо. Индустриализация и электрификация в стране продолжались. В 1961 году была построена, а в 1968 году введена в строй на реке Чулым Назаровская ГРЭС, более мощная и с выработкой более дешёвой электроэнергии, и содержание и использование первой гидростанции на таёжной реке Сарала посчитали нецелесообразным и затратным в эксплуатации. Работы на Саралинской ТЭЦ и гидростанции прекратили. Всё там пришло вскоре в упадок и полное запустение, но охрана объекта продолжалась до 2000 года. Теперь там ничего нет, кроме пустующих разрушенных зданий с разбитыми окнами, где были установлены гидрогенераторы и трансформаторы. Ушёл в небытие и водоканал.

А на руднике «Приисковый», по архивам 2000 года, на балансе в руде числится более девяти тонн золота (по мере новых геологических разведок цифра, по расчётам, будет увеличиваться). Состоит на балансе отработанных двадцать два горизонта, в том числе вертикальная штольня четырёхста метров и длина откаточных путей более пятидесяти километров. В рудных залежах в горе содержится пять грамм золота на одну тонну выработки (это неплохой показатель). Нижние штольни (восемь) затоплены для сохранности и под будущее. Мрамор (с возвышающейся, заросшей вековыми деревьями мраморной горы), что вплотную примыкала к реке Сарала у посёлка Гидростанция, добывался (с 1931 года) рабочими спецконтингента долгие годы. Пересортировывался и отправлялся по железной дороге (со станции Копьёво) на строительство метро в городе Москва, причём качество его было сравнимо с лучшими образцами мрамора мира. Этим же мрамором «нестандартом» были облицованы и стены гидростанции, причём работа была выполнена настолько искусно, что здание гидростанции выглядело очень торжественно и нарядно, а по вечерам (особенно по праздникам) там на каскадной лестнице, уходящей к вершине горы, горела сделанная умельцами, украшенная лампочками огромная звезда — как напоминание о величии труда простого народа, сумевшего

вручную воздвигнуть в глухой тайге мощную по тем временам гидростанцию.

Годы прошли, на дворе двадцать первый век, но память продолжает хранить мои воспоминания о гидростанции, лесной тропе, встрече в небольшой избушке-пристройке (1963 год), прислонившейся к тёмной стене водоканала в тайге по дороге в посёлок Подвинск, где располагался гидрометеорологический водомерный пост, и контролёре водомерного поста, молодой, в цвете лет, Котовой Екатерине Ивановне (жительнице посёлка Подвинск). Обрадованная нашим внезапным приходом, суетясь, она угощает нас за маленьким столиком душистым таёжным чаем, рассказывая при этом последние лесные новости. За дверью избушки моросит и накрапывает мелкий дождь, а мы, согревшись, измученные дальней ходьбой, непогодой и холодом, разморённые горячим чаем, обсушившись, с улыбкой слушаем её. Спешить было некуда, утренний (ночной) автобус проходил по маршруту из посёлка Приисковый на станцию Копьёво около трёх часов ночи, спать не хотелось, и мы слушали Екатерину Ивановну. Ей было с нами веселее («не так страшно, а то я одна в тайге»).

Она рассказывала, вспоминая, о том, как она с родителями была сослана и они попали на Саралинский прииск, в Подвинск (это тридцатые годы, крестьянская депортация), лишившись избирательных прав. Как поднимался, расстраивался и заселялся посёлок Подвинск. О том, что зимой здесь снег под самые крыши домов. О том, как добрались пешком поздней осенью, измученные дальней дорогой, из Кемеровской области мои дед с бабушкой и малолетними детьми, сосланные как кулаки. О том, что на строительстве водоканала участвовали в основном все сосланные подвинские поселковые мужчины (крестьяне-лишенцы): Тропин, И. Котов (отец Екатерины Ивановны), М. Г. Попов (мой дед по материнской линии), Гудемиров, Катцин, Непомнящий, Семин, Проценко, Толстихин, Лукьянов, Сухачёв, Шендрик и другие. Работали они в основном землекопами и плотниками. Что раньше, до строительства Саралинской ТЭЦ, на приисках стояли маломощные локомобильные станции, электроэнергии рудникам не хватало, и что после

пуска (в 1934 году) гидроэлектростанции, в 1942 году, провели напрямую через малохоженую тайгу опоры и линию электропередач на дальние прииски (за шестьдесят километров) в Шепилинск, Знаменитый и Коммунар. В селе Сарала построили переправу (паром) и проложили дорогу до деревни Ошколь. Рыбы в реке Сарала, как она помнит, не было, перестала водиться. Да и какая рыба? Посмотрите на воду, она серая, глинистая, и всё это оттуда — она махнула рукой — с рудника... Что об освобождении (от депортации) им сообщили только в 1954 году (объявлено же об этом было летом 1947 года, но местные власти об этом умалчивали).

Спецкомендатура находилась в посёлке Главстан, она обеспечивала строгий контроль за всеми спецпереселенцами, там же находилась и центральная больница. До 1935 года посёлок Гидростанция был центром Саралинского района. В 1937 году посёлок Гидростанция переименовали в посёлок Орджоникидзевский (в честь наркома тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе), а в 1955 году Саралинский район переименован в Орджоникидзевский район Хакаской автономной области Красноярского края.

Помнила она и руководителей стройки и гидроэлектростанции. Руководил строительством водоканала опытный инженер-строитель А. И. Антохин, он же проводил и изыскания; М. И. Шетнев был топографом; директором Саралинской ГЭС был И. Д. Туркин; Н. М. Симаков работал начальником участка паротурбинной станции и линий электропередач; М. Г. Руденский — начальником ЦЭС; А. Д. Демидов — главным инженером; А. И. Кукарцев — руководителем пожарной охраны; Столяров — председателем рабочкома. Она смущённо замолкла, извиняясь, что других не помнит, и предложила вновь заваренный брусничный чай.

За окошком ночь. Дождь прекратился. Над рекой и глубоким распадком за клубился туман. В избушке тепло, уютно.

«Жили в лесу, — вновь тихо проговорила она, — а леса не видели... ничего нельзя было брать и рубить. Ловили и судили за всё. Так, в тысяча девятьсот тридцать втором году судом Саралинского промрайона за кражу пилёного леса (плах) со стройки водоканала было осуждено тридцать девять спецпоселенцев — жителей посёлка Подвинск.

Плахи же нужны были для достройки жилого барака для рабочих. Жилья не хватало; пока не запустили водоканал, жили и ютились в сплотках. Весь день, с утра до позднего вечера, работали на раскорчёвке тайги. Люди были согнаны со своих мест, без одежды, еды. Тяжко жили... тяжело, а ведь до этого у каждого было своё хозяйство: живность, дом, мельница. Всего лишились. Ведь сознательно уничтожали хозяйственных мужиков! — она грустно посмотрела на нас. — А посёлок Гидростанция (мы зовём его Гидро) расстроился и тянулся на пять километров, освещённый всего... четырнадцатью лампочками (это при наличии своей гидроэлектростанции!), на улицах было темно. В него включили поселения Некрасовск, Три Барака, Китайск, Карасук (где жил спецконтингент — рабочие ГЭС). На Гидро были хорошая школа, добротный клуб, пансионат (дом отдыха «Карасук»). На мраморной горе при въезде в посёлок рабочие спецконтингента в печах в горе долбили камень и выжигали круглосуточно по пять тонн извести, она очень была востребована. У нас на Подвинске тоже были школа-семилетка (учитель начальных классов Чачик А. В.), фельдшерский пункт, амбулатория, магазин и клуб, где сельчане по вечерам редко, но собирались, в основном там обитала молодёжь За околицей Подвинска, на склонах гор возле Потаповска, Главстана, Приискового, Арарата, осталось много глубоких, старых и заброшенных шурфов, вырытых в давние времена старателями, которые частично обвалились, а другие скрыты заросшей травой и кустами жимолости, и нужно быть осторожным (особенно при сборе ягоды), чтобы не упасть в них. Отстроенный водоканал за околицей Подвинска повлиял на хозяйственную деятельность старожилы посёлка: так, стали недоступными места к частным сенокосам по правую сторону от канала. А мест для покосов (еланей) в округе Подвинска, в тайге, не так уж и много. Не было готовых переездов через сооружённый канал, особенно возле урочища Теплостанции, в лог Долгий Ключ и лог Гераскин. Высота бревенчатых сплотов канала, рельеф местности не позволяли сделать переезд, а своими силами, без допуска и согласования (что исключалось) с местными властями, это сделать практически было невозможно».

Это и я помнил, когда мы с её отцом (дедом Ваней) долго перебирались по пологой горе с лошадьёю через водоканал, чтобы вывезти копну заготовленного сена. Наполненный водой под самый верх канал нёсся, играя небольшими волнами мутной воды, и пугал лошадь, а временная переправа её, видимо, не устраивала.

Разговор затянулся, время было за полночь. Рядом, через шоссейную дорогу, шумя и бурля, ворочая на своём пути огромные камни-окатыши, неслась вздыбленная дождевой водой река Сарала, но она уже была не столь дикая и грозная, как до укрощения её рабочими-таёжниками.

Вокруг избушки — безбрежная тайга. Над столиком висит и горит лампочка... Гидростанция ещё работает. В печке догорают дрова, светает. Скоро подойдёт рейсовый автобус, и мы прощаемся с гостеприимной, хрупкой на вид, но довольно смелой хозяйкой таёжной избушки, оставляя её вновь один на один с тайгой на вверенном ей ответственном рабочем месте. Героиней, смеётся она, себя не считает, но тайгу и свой Подвинск очень любит. Улыбаясь, стоя на тропинке возле кедра, машет нам вслед рукой.

1963–2015

Об авторе:

Виктор Алексеевич ПЛЕТЮХ родился в 1950 году в посёлке Копьёво Хакасской автономной области Красноярского края, где провёл детство и школьные годы. Окончил Красноярский сельскохозяйственный институт. 45 лет трудового стажа, из них 38 лет — руководителем. Ветеран труда. Награждён орденами и медалями общественных организаций. С 2015 года увлёкся писательским трудом: стихи, проза, сказки. Публиковался в альманахах «Новый Енисейский литератор» и «Енисейка». Дипломант конкурсов короткого рассказа за 2020, 2021 и 2022 годы.

